

УДК 94(47+57)

И. В. Сидорчук

**ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В 1920-Х ГГ. ***

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: chubber@yandex.ru.

Статья посвящена предыстории и предпосылкам создания Института народов Севера в Ленинграде (1930 г.). Показан путь к его созданию, в частности, организация при ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) в 1924 г. Определяющим в плане подготовки кадров из представителей коренных народов можно считать 1925 г., так как именно тогда на рабфаке Ленинградского университета стала учиться первая группа студентов из коренного населения Севера. В следующем году их перевели на созданное при Рабфаке Ленинградского института живых восточных языков Северное отделение, которое в 1929 г. было преобразовано в факультет. Последний в 1930 г. был преобразован в Институт. В статье анализируется политика советской власти в отношении коренных народов Севера, послужившая причиной поддержки и реализации данного научного проекта. Рассматривается вклад ученых в создание по-настоящему революционной концепции отношения и изучения народов Севера. В частности, речь идет о деятельности В.Г. Тан-Богораза, представляющего собой ученого нового типа, бывшего ссыльного, соединявшего в себе преданность науке с готовностью к революционным реформам. Оценивается значение Института в деле подготовки кадров в рамках программы социалистического строительства на Крайнем Севере. Делается вывод о том, что, несмотря на скромное число выпускников, подлинное значение Института народов Севера заключалось в смелости самого проекта подготовки национальной интеллигенции в контексте планов ускоренного социалистического строительства на Крайнем Севере.

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА; ИСТОРИЯ НАУКИ В РОССИИ;
В.Г. ТАН-БОГОРАЗ; ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

После прихода к власти большевиков вопросы национальной политики, неизменно актуальные для многонационального и мультикультурного государства, потребовали новых решений в рамках масштабных социально-политических изменений. Впервые в истории страны существенное внимание было уделено немногочисленным, но населяющим гигантские территории коренным народам Севера. С этой целью в 1930 г. был создан Институт народов Севера, рассмотрение предыстории организации которого является принципиально важным в рамках изучения правительственной политики в области науки и высшего образования.

Уже в 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Народного комиссариата по делам национальностей был создан специальный орган – Подотдел по охране и управлению первобытными племенами севера России [1, с. 19]. В 1924 г. главным центром, занимающимся проблемой, стал организованный при ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) под председательством заместителя председателя ВЦИК П.Г. Смидовича. По его инициативе, в частности, на Север был отправлен ряд выпускников этнографического факультета Ленинградского географического института. Принципиальным отличием от существовавшей до этого системы являлась ориентация на практические, а не только исследовательские цели, на пропаганду новой советской культуры и идеологии. Основной задачей Комитета Севера было «не исследование, а практическое содействие малым народностям Севера. Мало того, самое изучение Севера должно быть соединено с практическим производственным подходом. Экспедиции чисто исследовательского типа, особенно в труднейших северных условиях, получают, невольно характер гастролей, временных поездок, которые привозят обратно отрывочный материал и разрабатывают его урывками без всякой системы и взаимного согласования» [2, с. 47]. Следующим шагом стала реализация проекта по подготовке национальной интеллигенции. В 1925 г. на Рабфаке Ленинградского университета стала учиться первая группа студентов из коренного населения Севера. В следующем году их перевели на созданное при Рабфаке Ленинградского института живых восточных языков

Северное отделение, которое в 1929 г. было преобразовано в факультет. И, наконец, в 1930 г. отделение было реорганизовано в Институт народов Севера – самостоятельное учебное заведение, расположившееся в здании бывшей духовной Академии по адресу Обводный канал, 7 и получившее среди студентов название «Чудесный чум» [3, с. 153].

Идеологи национальной политики молодого советского государства в первую очередь стремились дать понять, что новая власть не будет эксплуатировать северные народы, как это делало царское правительство. В частности, А.В. Луначарский, анализируя задачи Наркомпроса на Крайнем Севере, утверждал, что «когда до туземцев в прежнее время доходила русская цивилизация, то туземцы бежали от нее в сумерки полярного круга» [4, с. 19]. Еще более ярко осуждал политику царизма в отношении коренных народов Севера один из главных инициаторов создания Института известный этнограф и писатель В.Г. Тан-Богораз, начавший изучать северные народы во время ссылки в 1890-е гг.: «Относительно царского дома они [*чукчи – И.С.*] создали собственную теорию. Рядом с домом есть глубокая подземная дыра. В дыре живет дьявол. Этот дьявол питается мехами, а когда мехов не хватает, он поедает казацких детей и очередь очень быстро доходит до царского сына. Вот почему русские казаки и русский царь так бешено жаждут мехов» [5, с. 116]. Эту тему он раскрывал и в своих художественных произведениях. Так, судьба юкагиров, вымиравших в царской России и возрождающихся в России советской, показана в романе «Воскресшее племя» 1933 г. [6] Параллельно он осуждал и политику американского колониализма, продолжающего истреблять индейцев и отбирать их земли [5, с. 112–113].

Такие люди, как В.Г. Тан-Богораз представляли собой ученых нового типа. С одной стороны, они были связаны с дореволюционной наукой и заслужили признание задолго до 1917 г. С другой – они являлись подлинными революционерами, готовыми брать на себя ответственность за реализацию самых смелых проектов. Став этнографом волею судьбы, В.Г. Тан-Богораз хотел в бесконечно далеком от берегов Колымы Ленинграде создать новую туземную интеллигенцию, «советских миссионеров». Студентам-северянам он говорил: «Ведь вы теперь все стали шаманами, нашими, советскими красными шаманами» [Цит. по: 3, с. 153]. Для него они были «живым свидетельством того, что революция

проникла и туда, и начинается огромная работа по советизации этой забытой и обиженной окраины» [5, с. 111]. О том же говорил А.В. Луначарский: «Рабфак Северных Народностей – своего рода чудо, потому что, если совершенная правда то, что о нем рассказывают, то тут достигаются два чуда. С одной стороны, с очень большой быстротой, свидетельствующей о естественной природной талантливости людей, происходит соприкосновение северных туземцев с культурой. С другой стороны, в молодых людях, детях Севера, проявляется чрезвычайный интерес, в смысле служения своей народности. Если мы привлечем теперь к работе среди туземцев молодую туземную интеллигенцию, если мы сосредоточим свои силы для достижения этой цели, мы добьемся больших и серьезных успехов» [4, с. 20].

Разумеется, необходимость продуманной политики в отношении коренных народов Севера объяснялась не только бескорыстным стремлением заботиться о национальной культуре народов. В условиях международной изоляции и угрозы военных конфликтов с соседями и капиталистическими странами обращалось внимание и на стратегическое значение неосвоенных территорий Севера и Дальнего Востока. Прекрасно мысль о международном значении Сибири сформулировал Л.Д. Троцкий в выступлении 1927 г.: «Сибирь есть выход рабочего государства к Тихому океану. А Тихий океан и его побережья все более становятся ареной новейшей истории. Сейчас Сибирь – глубокий тыл Советского Союза. Но история ближайших 10–20 лет может скомандовать: “налево кругом!”. Фронт – против Тихого океана, тыл – на Западе, за Уралом» [7, с. 14]. Исходя из этого, он делал вывод о том, что «Сибирь до зарезу нуждается в исследователях, в техниках, в культурниках, в работниках всех специальностей» [7, с. 14]. Успех советской политики он видел одним из факторов успеха международного революционного движения, в частности, в соседнем Китае.

Такие смелые задачи, как создание в короткий срок национальной просоветской интеллигенции среди народов Севера, было нелегко осуществить. Залогом успеха стал не только энтузиазм основателей, к которым кроме В.Г. Тан-Богораза стоит отнести С.Н. Стебницкого, Л.Я. Штернберга, Д.К. Зеленина, К.Я. Лукса и многих других, в ком научный талант сочетался с революционной страстью, но и

последовательная поддержка со стороны власти. Одной из характерных особенностей ее политики в области науки было расширение сети образовательных учреждений. В условиях возможности лишь государственного финансирования научных и образовательных проектов власть стремилась как побороть оппозиционность среди преподавателей и студенчества, так и решить практические задачи, стоявшие перед страной. Рассматривая науку и образование с чисто утилитарных позиций (что, впрочем, было унаследовано еще от предреволюционной эпохи [8]), большевики поддерживали именно те проекты, которые обещали быстрый и конкретный результат. К таковым относился и Институт народов Севера. Показательно, что В.Г. Тан-Богораз был убежден в преобразующей функции государства в России, в зависимости процветания интеллигенции от процветания государства. Исходя из этого, он резко критиковал НЭП с практикой самоснабжения школ и больниц, кризисом университетского образования: «Зачем ему университеты, зачем ему наша идеология? Он и без идеологии лопают досыта. Лопает, лопает, пока не лопнет... В НЭПе только воскресение элементарнейшей жизни, не более того. [...] русская интеллигенция не может опереться на НЭП ни духовно, ни материально. Она может опереться только на государство» [Цит. по: 9, с. 80–81].

Положение нового учебного заведения действительно было уникальным. Это был единственный институт, подчинявшийся ЦИК СССР – высшему органу власти. Как отметил исследователь А. Омельчук, этот титул «был не просто почетной приставкой, а показывал, какое значение придается большому революционному делу – приобщению к высотам просвещения отсталых народностей Севера. Это был уровень подлинно государственной заботы» [10, с. 127]. В Положении об Институте народов севера от 6 марта 1930 г. утверждалось, что он имеет своей целью: «а) подготовку из среды трудящегося населения, управляющегося на основании временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР, работников по советскому и культурному строительству, по кооперативно-хозяйственному и индустриально-промысловому делу для севера; б) организацию научно-исследовательской разработки социально-экономических и культурных проблем советского севера» [11, с. 354].

Осуществить подобную задачу было чрезвычайно сложно, учитывая отсутствие подчас минимального уровня подготовки северян. Декларируемые требования к поступающим ограничивались курсом начальной школы. Доходило до того, что в Институт принимали безграмотных. Добравшиеся с другого конца страны в Ленинград, подчас не зная русского языка, чукчи, коряки, ненцы и пр. часто попадали в забавные и во многом трогательные истории. Вот как одну из них описывает В.Г. Тан-Богораз: «Были меж ними тридцатилетние, с женами, даже с детьми, были совершенные мальчишки, моложе установленной нормы (16 лет), но когда одному из них, тунгусу Палтееву, которому было только 14 лет, я намекнул на невозможность принять его в рабфак, он упал на пол, стал колотиться ногами и затылком и ревел, как медвежонок, что ежели его не примут, так он побежит и утопится в Неве» [5, с. 111]. Таким образом, фактически Институт был вовсе не высшим учебным заведением, а школой или техникумом, его также можно, вслед за исследователем М. Воскобойниковым, назвать «учебным комбинатом» [3, с. 153].

Тем не менее, как современники, так и советские исследователи традиционно оценивают значение института очень высоко. Традиция отношения к Институту как важной части успешно реализованной программы социалистического строительства на Крайнем Севере во многом сохраняется и сейчас [12, с. 44–47]. Встречаются и скептические оценки. Так, Л.В. Алексеева на основе анализа списков личного состава Института указала на то, что за период с 1931 по 1935 г. было выпущено всего 12 человек, «которые были направлены на работу в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа с образованием, приравненным к среднему специальному» [13 с. 276]. Одновременно она замечает, что, несмотря на незначительное число учащихся и их уровень подготовки, культурная среда, в которой они оказывались в Ленинграде, «накладывали свой неизгладимый отпечаток на этих первых представителей так называемой национальной интеллигенции» [13, с. 277].

С Л.В. Алексеевой стоит согласиться – ни о каком создании «национальной интеллигенции» применительно к 1920–30-м гг. говорить не приходится. В данной связи позволим себе провести параллель с архитектурой авангарда 1920-х гг., иногда из-за нереализованности большинства проектов называемой «бумажной». Тем не менее, она оказала

значительное влияние не только на отечественную, но и мировую архитектуру, а теоретические работы архитекторов и предложенные ими решения и концепции осмысливаются и принимаются современными специалистами – не только архитекторами, но и художниками, дизайнерами, проектировщиками. Так же и многие научные проекты 1920-х гг. остались не до конца реализованными или не достигли заявленных целей не только по причине отсутствия поддержки или финансирования, но и потому что они опередили свое время. Предложить совершенно новую модель поведения по отношению к туземным народам, не подразумевающую их эксплуатации, христианизации, русификации, – являлось поистине революционным шагом. Подлинное значение рабфака Ленинградского университета, Северного отделения Ленинградского института живых восточных языков и, наконец, Института народов Севера заключалось как раз в смелости самого проекта подготовки национальной интеллигенции в контексте планов ускоренного социалистического строительства на Крайнем Севере, реализация которого потребовала десятилетий.

Таким образом, можно утверждать, что подготовка кадров для Севера, несмотря на то, что институт был основан в 1930 г., началась еще в 1925 г., когда на рабфаке Ленинградского университета стали учиться первые представители северных народностей. Да, это было всего несколько десятков туземцев, но каждый из них искренне стремился получить необходимые знания, а после этого вернуться на Север и стать учителем для остальных. Принципиальную роль в успехе проекта сыграла позиция власти, стремившейся создать новую советскую интеллигенцию среди народов Севера и расположить местное население к большевистской власти, противопоставляя ее царской. Не меньшее значение имел энтузиазм основателей и преподавателей, особенно из бывших политических ссыльных, во время своего заключения ставших исследователями языка, быта и культуры коренных народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антропова В.В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920-1930 гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19-27.

2. **Тан-Богораз В.Г.** Подготовительные меры к организации малых народностей (Доклад, читанный на пленуме Комитета Севера при ВЦИК'е 10 февраля 1925 г.) // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 40-50.
3. **Воскобойников М.** Дыхание Севера (к 50-летию Ленинградского Института народов Севера) // Сибирские огни. 1976. № 5. С. 148-158.
4. **Луначарский А.В.** Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере (Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г.) // Северная Азия. 1927. № 3(15). С. 18-22.
5. **Тан-Богораз В.** Народы Севера // Наши достижения. 1931. № 7-8. С. 110-119.
6. **Богораз В.Г.** Воскресшее племя: [Юкагиры]. М., 1935.
7. **Троцкий Л.Д.** О Сибири (Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г.) // Северная Азия. 1927. № 3(15). С. 5-17.
8. **Сидорчук И.В.** 1914 г. как перелом в истории отечественной науки // Россия в глобальном мире. 2015. № 6. С. 85-92.
9. **Дмитриев А.** Большевики, интеллигенты и российская действительность: к истории сменовеховских диагнозов // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб. ст.] / под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. М.: 2010. С. 70-95 320 с. ISBN 978-5-94607-143-2
10. **Омельчук А.** Институт народов Севера // Дальний Восток. 1981. № 1. С. 127-132.
11. Положение об Институте народов севера при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. № 19. С. 354-359.
12. Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера / Науч. ред. Г.А. Бордовский. СПб., 2003.
13. **Алексеева Л.В.** Подготовка национальной интеллигенции в Институте народов Севера в 30-е гг. XX в.: (на примере национальных округов севера Западной Сибири) // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия - Сибирь - Казахстан: материалы VI Всероссийской научной и научно-практической конференции с международным участием (Омск, 3-5 октября 2006 г.) Ч. 2. Омск, 2006. С. 275-280.

SIDORCHUK, Ilya V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya St., 29, *Saint-Petersburg, Russia*. E-mail: chubber@yandex.ru.

THE INSTITUTE OF THE PEOPLES OF THE NORTH IN LENINGRAD IN THE CONTEXT OF THE QUESTION OF INSTITUTIONALIZATION OF NEW ACADEMIC INSTITUTIONS IN THE 1920s.

The article covers the prehistory and the prerequisites for the establishment of The Institute of the Peoples of the North in Leningrad (1930). Displays the path to its creation, in particular, the organization under the Central Executive Committee of the

Committee of assistance nationalities of the North suburbs (Committee of the North) in 1924. The Determining factor in terms of training of representatives of nationalities of the North can be considered to 1925, as it was founded the workers' faculty (rabfak) of the Leningrad University began to study the first group of students from the indigenous population of the North. The following year they were transferred to the department on workers' faculty of the Leningrad Institute for Living Oriental Languages which was transformed into the faculty in 1929. In 1930 faculty was reorganized into the Institute. The author analyses the policy of the Soviet government in relation to the peoples of the North that allowed the realization this scientific project; discusses the contribution of Soviet scientists in the creation of a truly revolutionary concept of relations and the study of peoples of the North. In article estimated value of the Institute in the training of the national intelligentsia in the framework of the program of socialist construction on the Far North.

THE INSTITUTE OF THE PEOPLES OF THE NORTH; HISTORY OF
SCIENCE IN RUSSIA; VLADIMIR TAN-BOGORAZ; LENINGRAD
UNIVERSITY
